

Лариса Шпаковская

Daniel Thomas Cook. The Moral Project of Childhood: Motherhood, Material Life, and Early Children’s Consumer Culture. New York: New York University Press, 2020. 217 pp. ISBN 9781479810260.

Лариса Шпаковская, Александровский институт, Университет Хельсинки. Адрес для переписки: University of Helsinki, Aleksanteri Institute, PO Box 24, Unioninkatu 40, Helsinki, 00014, Finland. larisa.shpakovskaya@helsinki.fi.

Книга посвящена истории детства как «морального проекта» и рассматривает, как различные представления о том, кто такие дети, что такое «хорошее» и «плохое» детство, выкристаллизовывались в западном индустриальном обществе в период с начала XIX века до середины XX века. Основным источником эмпирических данных выступают женские журналы, выходившие в США в 1830–1930 годах, однако автор рассматривает широкий культурно-исторический контекст, в котором эти публикации функционируют, и останавливается на более ранних представлениях о детстве в докапиталистическую эпоху, а также заглядывает в наши дни. Автор монографии – Даниэль Томас Кук, профессор Ратгерского университета (США) – известен своими работами в области истории детства. В обсуждаемой монографии он показывает, как детская личность, ее субъектность и агентность создавались на протяжении XIX–XX веков через идеи о «правильном» детском потреблении и хорошем вкусе.

Анализируя эмпирический материал, автор придерживается подхода, который можно назвать исторической социологией. При этом сам Кук настаивает на том, что различия между историей и социологией формальны и скорее лежат в плоскости организационно-дисциплинарных принципов устройства академии, нежели содержательных подходов, изучаемых проблем и задаваемых вопросов. Он активно использует концептуально-теоретический аппарат классиков социологии, а также современных социологов и опирается на работы Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма, Пьера Бурдьё, Арли Хохшильд, Вивианы Зелизер, Шэрон Хейс и др.

Детство в книге понимается как социальный институт. Кук предлагает динамический взгляд на институты: детство, «как и другие социальные институты (семья, брак и др.), работает в направлении трансформации чего-то еще не определенного и только зарождающегося в то, что мы знаем, таким образом превращая детей в культурные объекты, которыми можно управлять, которые можно формировать и направлять» (с. 2). Такой подход отличает книгу от других работ по истории детства, поскольку автор задается вопросом не только о том, «кто такой ребенок», но и «когда появляется ребенок», то есть «когда, при каких обстоятельствах ребенок становится чем-то распознаваемым в социальной практике» (с. 15).

Кук определяет детство в качестве «морального проекта», который базируется на дискурсах относительно «различных аспектов жизни детей, включающих верования и предоставления о том, что хорошо и что плохо, что сакрально, а что профанно» (с. 2). Автор показывает, какие изменения претерпевает этот моральный проект и как он оформляет современную смысловую конструкцию детства.

Реконструируя моральный проект детства, Кук показывает, что понятия детства и материнства, ребенка и матери в западной культуре неотделимы. Иначе говоря, представления о том, кто такой ребенок, функционируют вместе с представлениями о том, кто такая мать, «какой она должна быть и что она должна делать» (с. 15). Тандем ребенка и матери существует как часть «воображаемых сообществ» (по Бенедикту Андерсону) детства, так как «смысловые конструкции матерей и материнства, детей и детства создаются, обсуждаются и обмениваются при помощи медиа, в результате чего возникает ощущение общности, а также разделяемые понятия и проблемы» (с. 16). Кук задается вопросом не о том, являются ли эти сообщества истинными или ложными; его интересуют стили и способы, которыми эти сообщества воображаются, каким образом функционируют внутри них советы по воспитанию, к кому они обращены. Журнальные статьи, которые автор книги анализирует, написаны женщинами-матерями и адресованы другим женщинам-матерям. При этом мужчины на страницах дамских журналов появляются в качестве экспертов, прежде всего врачей и позже – психологов. Матери в этих статьях выступают как представители своих детей, действующие от имени детей и интериоризирующие на практике дискурсы детства, с которыми они знакомятся благодаря журналам. Советы матерям репрезентируют структуры распределения власти между экспертами и обыденными деятелями, мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми. Они же формируют классовые и расовые диспозиции, поскольку в отношении организации детского потребления советы адресованы буржуазным матерям среднего класса, поглощенным выстраиванием приватности и озабоченным формированием «правильного» вкуса своих детей. Кроме того, советы призваны помочь провести символические границы между белыми детьми среднего класса и детьми рабочего класса, цветными детьми, а также детьми мигрантов, помогая матерям создать пространство детского потребления, досуга и обучения, отличного от пространства труда и нужды детей из других социальных групп.

Кук вводит понятие «моральной архитектуры детства», под которым понимает «динамичный набор представлений о том, что считать правильными (*proper*) и неправильными способами восприятия ребенка, о том, кем он является и кем должен стать в будущем» (с. 3). Иначе говоря, автора интересуют идеологические и эпистемологические основания моральных суждений детства. Например, моральную инфраструктуру составляют религиозные идеи кальвинизма, этика буржуазного потребления, опирающаяся на представления об изящном вкусе, и возникшие в конце XIX века идеи социального развития и прогресса.

Свой анализ морального проекта детства Кук начинает с того, что предшествовало буржуазному конструкту детства XVIII–XIX веков, а именно – с протестантской моральной архитектуры детства. Он обращается к идеям Макса Вебера относительно протестантской этики, а также ее представлений о спасении как моральной основе капиталистических отношений. Автор монографии акцентирует внимание на том, что Вебер полностью игнорирует кальвинистские идеи о месте женщин и детей, в то время как эти представления сыграли не менее важную роль в формировании более позднего капитализма (в частности, тех его элементов, что связаны не с трудом, а с потреблением и гедонизмом) и позволили аксе-

лерируют процессы экономического производства и обмена. В частности, теологов XVII века интересовал следующий вопрос: если для взрослого труд и богатство являются способом и знаком предопределения спасения, может ли ребенок спастись и что является аналогом труда и богатства для него? Ответ заключался в учебе и освоении религиозного знания. Ребенок и его судьба, таким образом, больше не были изначально заданными божественным или дьявольским провидением и стали восприниматься как поддающиеся внешнему воздействию со стороны взрослого, направляющего к знанию и спасению. Эта конструкция переопределила значение женщин, прежде всего, как матерей, воспитывающих своих детей и ведущих их в лоно церкви. Она также позволила выделить приватную сферу в особое пространство женской власти, основанной на идее воспитания, заботы и обучения детей. Эти представления сильно отличались от прежней патриархальной конструкции родительства, в рамках которой моральное наблюдение за детьми осуществлялось церковью или общиной под руководством мужчин, играющих в этих институтах ключевые роли.

Дальнейшее развитие морального проекта детства середины XIX века было связано с классовой динамикой, а также с формированием буржуазного образа жизни и вкуса как ключевых механизмов классовых различий. Материнская роль белых женщин среднего класса стала еще больше связанной с воспитанием хорошего вкуса через обучение «правильному потреблению». Движущими силами этого смыслового порядка стали развитие массового производства, формирование индустрии роскоши, а также расцвет дамских журналов как гидов в море товаров и услуг. Этот процесс имел парадоксальный результат. С одной стороны, он превратил ребенка в потребителя, да и само детство сделал понимаемым, прежде всего, через потребление. С другой стороны, ребенок из буржуазной семьи находился в домашнем мире приватности, где был защищен от всего, что было связано с трудом, рынком, экономическими интересами. Трансгрессию между двумя этими мирами осуществляли матери, компетентные в вопросах организации «правильного» детского потребления.

Во второй половине XIX века главное место в моральной архитектуре детства занимают идеи социального прогресса, которые переопределяют смысл детства как периода формирования личности, достойной будущего нации. Детство начинает рассматриваться в качестве подготовительного этапа к взрослости, а вопросы дисциплины и наказаний занимают центральное место на страницах женских журналов. Если до этого наказание рассматривалось скорее как ответ на неповиновение взрослому, то теперь оно приобретает моральный смысл самостоятельно-го инструмента воспитания, направленного на формирование личности через регуляцию «либидальной, метаболической и социальной систем ребенка» (с. 102). Дамские журналы критикуют матерей прошлого за то, что те уделяли слишком много внимания удовольствиям ребенка, забывая о необходимости морального обучения.

Тем не менее уже в конце XIX века педагогические идеи гуманного воспитания постепенно проникают на страницы дамских журналов, благодаря чему суровые методы наказания и дисциплина ставятся под вопрос. Центральное место в обу-

ждениях занимают вопросы организации простого и разумного материального мира ребенка, что должно было подготовить его к будущей жизни и помочь развить собственную аутентичную личность. Матери были озабочены обеспечением простоты детского потребления, возможностями и условиями получения карманных денег, а также собственного имущества (личные вещи, игрушки, одежда).

В итоге все предыдущее развитие приводит к революции детского консьюмеризма в 1900–1930-е годы. Именно в это время понятия «ребенок» и «потребитель» лицом к лицу встретились в дискурсах детства. Производители и реклама стали обращаться непосредственно к ребенку, у которого уже есть карманные деньги и который наделен правом иметь личные вещи. Он получает право на субъектность и собственный внутренний мир, который раскрывает в процессе потребления, а матери превращаются в более компетентных потребителей, направляющих детское потребление в соответствии с собственным вкусом и моральными ценностями, учитывая при этом интересы и потребности ребенка. Именно в это время детская потребительская культура формируется как особый мир, который раскрывается через множество материальных и культурно-символических товаров, ориентированных на детей и формирующих их как субъектов. Доминирующей эта культура становится уже в середине XX века. В заключении Кук останавливается на современных трансформациях морального проекта детства, показывая, как смысловая категория ребенка-потребителя замещается категорией ребенка-творца, сохраняя при этом идеи детского потребления неизменными.

В целом монография представляется крайне интересной для исследователей детства, семьи, потребления и массовой культуры. Она обращается непосредственно к детскому миру и детским субъективностям, показывая детство как крайне изменчивую и исторически сконструированную категорию. Наиболее важным методологическим приемом, примененным в книге, мне кажется принятие автором того факта, что доступ к детскому миру возможен только через категории мира взрослых, поскольку дети не существуют вне его, и именно взрослые смыслы дают доступ к опыту самих детей. Западная конструкция детства не существовала вне конструкции материнства, а проект детства являлся фактически проектом материнства. В более широком смысле проект материнства в современности стал ядром буржуазной женственности, вписанной в структурированные по гендерному и возрастному принципу социальные отношения власти. Моральный проект детства являлся, таким образом, проектом политическим, становясь точкой сборки для вопросов власти, сексуальности, репродукции, неравенства и экономики. Автор довольно много внимания уделяет анализу моральной архитектуры детства в связи с идеями кальвинизма, буржуазного вкуса и прогресса, однако очевидно, что и идеи педагогики, психологии, а также некоторые политические процессы конца XIX века – первой половины XX века были не менее важными элементами этой архитектуры и имели не менее значимое влияние на детское потребление, чем экономические процессы. С моей точки зрения, эти составляющие моральной архитектуры детства нуждаются в дальнейшем анализе исследователей в области социальных и гуманитарных наук.